

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Объ одной замѣткѣ Пушкина.

реди множества разсѣянныхъ въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина стиховъ, прозаическихъ работъ, замѣтокъ, писемъ, денежныхъ счетовъ и проч., есть отдѣльныя мѣста, нуждающіяся въ объясненіи и до сихъ поръ не объясненныя. В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ пушкинскихъ бумагъ, напримѣръ, приписалъ Пушкину лишь переписанную имъ замѣтку Жуковского о прекрасномъ ¹⁾ и стихи Жуковского изъ посланія къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину ²⁾. Намъ уже пришлось въ свое время разъяснить, что записанные въ тѣхъ же бумагахъ французскіе стихи „Je t'aime tant“... ³⁾ не принадлежать Пушкину ⁴⁾, а представляютъ собою начало моднаго въ тѣ годы романа ⁵⁾.

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1884, декабрь, 553—554; 1885 г., апрѣль, обложка, стр. 2; замѣтка А. Филонова въ „Нов. Времени“ 29 декабря 1884, № 3174.

²⁾ „Рус. Стар.“ 1884, мартъ, 660; Соч. Пушкина, академич. изд., II, XIX, примѣч., 173; „Рус. Стар.“ 1908, мартъ, 657; Соч. Пушкина, изд. Венгерова, II, 546; „Труды и дни Пушкина“, изд. 2-е, стр. 440.

³⁾ „Рус. Стар.“ 1884, мартъ, 648; Соч. Пушкина, академич. изд., II, примѣч., стр. 67.

⁴⁾ „Историч. Вѣстн.“ 1905, июнь, 1069.

⁵⁾ Соч. Пушкина, изд. Венгерова, II, 541; см. также записки Ѳ. П. Лентьевой („Рус. Вѣстн.“ 1884, февраль, 703). Копія этого популярнаго романа, который исполнялъ знаменитый французскій пѣвецъ P.-J. Garat,

Рядомъ съ относящимся къ 1828 г. наброскомъ „Волненъемъ жизни утомленный“... ¹⁾ Пушкинъ приписалъ ²⁾:

25 іюня

Фанни

Няня +

Elisa e Claudio

Что значать эти строки, сказать трудно, но для разъясненія ихъ, можетъ быть, будетъ нелишнимъ указаніе на смыслъ послѣдней строки. „Elisa e Claudio“ — названіе прошумѣвшей въ началѣ двадцатыхъ годовъ по всей Европѣ оперы Меркаданте. 21 или 22 іюня она была впервые поставлена въ петербургскомъ Большомъ театрѣ ³⁾; черезъ нѣсколько дней появился въ „Сѣв. Пчелѣ“ фельетонъ: „Италіянскій театръ. Первое представленіе Оперы „Элиза и Клавдіо (*Elisa e Claudio*), соч. Меркаданте, 21 іюня“, за подписью „32—2“ ⁴⁾. Шла она и въ 1829 г. ⁵⁾, между прочимъ 25 іюня, но такъ какъ въ 1829 г. Пушкинъ былъ въ это самое время съ войсками Паскевича на театрѣ турецкой войны, то въ Большомъ театрѣ онъ могъ быть только въ 1828 г. и, вѣроятно, присутствовалъ на первомъ представленіи оперы. Должно быть, она произвела на поэта, любителя легкой италіянской музыки (Меркаданте былъ послѣдователемъ любимаго Пушкинымъ Россини), нѣкоторое впечатлѣніе, если онъ записалъ ея названіе въ своей тетради, съ которою часто бесѣдовалъ наединѣ.

II.

Источникъ эпиграммы „Глухой глухого звалъ“...

„У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей“ — говорить Пушкинъ въ своихъ критическихъ замѣткахъ — „спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики. — Критики не понимаютъ

сохранилась въ бумагахъ Рылѣва („Архивъ К. Θ. Рылѣва“ — „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ“ 1910 г., № 12, стр. 921); Жуковскій перевелъ его подъ названіемъ „Пѣсня“ („Мой другъ, хранитель-ангелъ мой“..., 1808 г.).

¹⁾ Румянцовс. муз., тетр. № 2371, л. 16 об.

²⁾ Въ передачѣ В. Е. Якушкина („Рус. Стар.“ 1884, іюль, 41) эта приписка приведена не совсѣмъ точно. Курсивомъ набраны подчеркнутыя въ подлинникѣ слова.

³⁾ „Сѣв. Пчела“ 1828, 21 іюня, № 74.

⁴⁾ 28 іюня, № 77.

⁵⁾ „Сѣв. Пчела“ 1829, №№ 13, 19, 70, 73, 76, 88, 102, 109, 121, 133.

меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухого звалъ на судъ судьи глухого.
 Глухой кричалъ: „моя имъ сведена корова“.
 — „Помилуй, возоциль глухой тому въ отвѣтъ,
 Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ“.—
 Судья рѣшилъ: „Почто идти вамъ братъ на брата?
 Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!“

Эпиграмму впервые напечаталъ Анненковъ, говоря, что Пушкинъ „состояніе критики въ его время объяснялъ слѣдующей, довольно забавной эпиграммой, похожей, впрочемъ, на извѣстную шутку Пелиссона: *Les trois sourds*“...¹⁾ Затѣмъ эпиграмма вошла во всѣ слѣдующія критическія изданія сочиненій Пушкина—оба изданія Геннади, оба П. О. Морозова, всѣ три Ефремова и Венгерова. Геннади перепечаталъ ее изъ „Матеріаловъ“ безъ всякихъ комментариевъ; Ефремовъ просто повторилъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ слова Анненкова о сходствѣ эпиграммы съ шуткой Пелиссона. Г. Морозовъ въ первомъ своемъ изданіи²⁾, повторяя указаніе Анненкова, назвалъ Пелиссона—„Палиссо“ (?!).

Профессоръ Н. О. Сумцовъ³⁾, слѣдуя указанію Анненкова, пытался разыскать Пелиссона и его эпиграмму: „къ сожалѣнію Анненковъ не дѣлаетъ указанія, какого это Пелиссона онъ имѣетъ въ виду. Я нашелъ одного лишь Пелиссона—въ словарѣ Бешереля (въ другихъ крупныхъ словаряхъ такого имени совсѣмъ нѣтъ), да и то, кажется, не относящагося сюда“; здѣсь Н. О. Сумцовъ написалъ изъ „Nouveau dictionn. nation.“ *Bescherelle*'я нѣсколько словъ о писателѣ Paul Pellisson (1624—1693), историкѣ и стихотворцѣ, а самаго стихотворенія не разыскалъ. Во второмъ изданіи г. Морозова⁴⁾ фантастическій „Палиссо“ уже не упоминается, и о шуткѣ, о которой говоритъ Анненковъ, сказано: „проф. Сумцову и намъ не удалось ея отыскать“. Въ своемъ послѣднемъ комментарий къ пушкинской эпиграммѣ г. Морозовъ⁵⁾ снова приводитъ слова

¹⁾ П. В. Анненковъ, „Матеріалы для біографіи Пушкина“, изд. 1855 г., стр. 249—250; подлинникъ находится въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, тетр. № 2387, лл. 15 об. и 16.

²⁾ Литерат. фонда, V, 112.

³⁾ „Исслѣдованія о Пушкинѣ“—„Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина“, Хар., 1900, стр. 256—257.

⁴⁾ „Просвѣщ.“, VI, 630.

⁵⁾ Сочин. Пушкина, изд. Венгерова, т. V, стр. L.

Анненкова, повторяетъ ссылку проф. Сумцова на Paul Pellisson и прибавляетъ: „въ доступныхъ намъ собраніяхъ его сочиненій не оказалось шутки о трехъ глухихъ; Анненковъ же, сославшись на нее, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, гдѣ ее можно найти“.

Анненковъ не ошибся, указывая на сходство пьесы Пушкина съ шуткою Пеллиссона. Последнюю не трудно было найти. Она помѣщена въ „Oeuvres diverses de Monsieur Pellisson“, t. I. P., MDCCXXXV, p. 216 ¹⁾).

Epigramme.

Un sourd fit un sourd ajourner
Devant un sourd en un village,
Et puis s'en vint haut entonner
Qu'il avoit volé son fromage.
L'autre répond du labourage:
Le Juge étant sur ce suspens
Déclara bon le mariage,
Et les renvoya sans dépens.

Эпиграмма снабжена примѣчаніемъ. „M. Pellisson a imité ici Jean Second: voici l'Epigramme du Poete Latin.“

Surdum judicium.

Cum surdo lis est surdo, sub iudice surdo,
Ut similem simili jungit ubique Deus.
Ille petit pretium pro mensis quinque locatis
Aedibus, hic noctu se moluisse refert.
His iudex: an non ex aequo mater utriusque est?
Quid porro restat? tollite uterque simul.“

Въ исчерпывающе полномъ и тщательно составленномъ „Grand dictionnaire universel“ Ларусса ²⁾ нѣтъ имени „Péllisson“, но есть другое—Paul Pellisson-Fontanier, то, о которомъ упоминается въ словарѣ Бешерелля, и надо думать, что Péllisson—просто неправильное начертаніе имени Pellisson.

Оба стихотворенія дѣйствительно довольно схожи и по общему замыслу, и по аналогіямъ, но неизвѣстно, имѣлъ ли Пушкинъ въ виду шутку Пеллиссона, и не пользовался ли онъ другимъ стариннымъ анекдотомъ на ту же тему. Недоразумѣніе между глухими—одинъ изъ обычныхъ сюжетовъ народнаго творчества. Въ данномъ случаѣ, какъ вѣрно замѣчаетъ Н. Θ. Сумцовъ, вѣроятнѣе можно предположить литературный источникъ; къ тому же, самъ Пушкинъ

¹⁾ Имѣется въ Имп. Публ. Библиотекѣ (шифръ: 16—59—1—41).

²⁾ Въ немъ помѣщена приведенная эпиграмма, подъ словомъ „sourd“, съ подписью: „Péllisson“.

указываетъ на „старинную эпиграмму“. Въ греческой антологіи, Пушкину, замѣтимъ, довольно хорошо знакомой, есть, напримѣръ, такая эпиграмма: „Глухой судился съ глухимъ. Судья ихъ былъ куда болѣе глухой, чѣмъ оба они. Одинъ требовалъ квартирныя деньги за пять мѣсяцевъ; другой говорилъ, что онъ „мололъ ночью муку“. Судья пристально поглядѣлъ на нихъ и сказалъ:—„И изъ-за чего вы таскаетесь по судамъ! Она ваша мать, ну, и кормите ее оба“... 1) Приведенная пьеса Jean Second 2) представляетъ собою, повидимому, переложеніе антологической эпиграммы. Пушкинъ, быть можетъ, зналъ не древній подлинникъ, а пьесу новаго латинскаго стихотворца.

III.

Лже-Брюлловскій портретъ Пушкина.

Этотъ портретъ приобрѣлъ извѣстность въ пушкинской иконографіи начиная съ 1880 г., когда появился на московской пушкинской выставкѣ, въ „Альбомѣ“ которой и былъ воспроизведенъ. А. А. Венкстернъ 3) отнесъ его къ 1836 г., такъ какъ въ письмахъ этого года къ женѣ „встрѣчаемъ частыя упоминанія о Брюлловѣ, что доказываетъ ихъ близкія отношенія и даетъ намъ право предполагать, что небольшой портретъ Пушкина работы Брюллова, доставленный на выставку О. Ѳ. Кошелевой, относится именно къ этому времени“. На портретѣ крупными и четкими буквами изображено имя художника: „К. Брюловъ“.

С. Ф. Либровичъ въ своемъ изслѣдованіи „Пушкинъ въ портретахъ“ 4) высказалъ нѣсколько значительныхъ соображеній объ этомъ портретѣ. Онъ „очень похожъ на портретъ работы Кипренскаго. Брюловъ такъ же, какъ и Кипренскій, изобразилъ Пушкина съ накинутымъ на плечо плащомъ, en face; но голова поэта обращена въ правую сторону, между тѣмъ какъ у Кипренскаго она обращена въ лѣвую 5). Лицо Брюлловскаго Пушкина далеко не обладаетъ

1) „Избранныя эпиграммы греческой антологіи“, перел. В. Алексѣева, С.-Пб., 1896, стр. 109—110, 151.

2) Jean Everaerts, по прозвищу Jean Second (1511—1536 г.г.), написалъ сборникъ латинскихъ стихотвореній, въ свое время очень популярный и не разъ переиздававшійся. Мирабо перевелъ его на французскій языкъ (изд. 1796 г.).

3) Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года, М., 1882, стр. 163; изд. 2-е, М., 1887, стр. 154.

4) СПб., 1890, стр. 52—54.

5) Это невѣрно. Поворотъ головы на обоихъ портретахъ одинъ п тотъ же.

тою живостью выраженія глазъ и тѣмъ поэтическимъ „духомъ“, которымъ отличается работа Кипренскаго, хотя въ общемъ черты у Брюллова похожи вполне на черты лица у Кипренскаго, что доказываетъ сходство съ натурою обоихъ портретовъ, если только портретъ Брюллова не составляетъ копіи съ портрета Кипренскаго. Это предположеніе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что трудно допустить, чтобы оба художника рисовали Пушкина въ одномъ и томъ же костюмѣ, съ одной и тою же подробностью накинутого плаща“. Ссылаясь на цитированное заключеніе Венкстерна о хронологіи портрета, г. Либровичъ прибавляетъ: „довольно странно, что никакихъ болѣе точныхъ указаній относительно портрета Брюллова и времени его происхожденія не имѣется. Въ письмахъ Пушкина разъ только упомянуто о портретѣ, писанномъ Брюлловымъ, а именно въ письмѣ къ П. В. Нащокину изъ Петербурга отъ 29 января, безъ обозначенія года. „Портретъ мой“—пишетъ Пушкинъ— „Брюлловъ напишетъ на дняхъ“. На конвертѣ этого письма находится штемпель: „29 января 1832 г.“. Выходитъ, такимъ образомъ, что портретъ написанъ въ 1832 г. А. Сомовъ, біографъ Брюллова, въ своей монографіи „К. П. Брюлловъ и его значеніе въ русскомъ искусствѣ“ не упоминаетъ даже совсѣмъ объ этомъ портретѣ, и въ списокъ всѣхъ работъ Брюллова, составляющій приложение къ этой монографіи, портретъ Пушкина не включенъ.

Въ альбомѣ слѣдующей московской пушкинской выставки имя К. Брюллова подъ снимкомъ съ этого портрета появилось уже съ знакомъ вопроса, а въ каталогѣ сказано: „въ данномъ портретѣ представляется страннымъ, что одежда Пушкина, плащъ и галстухъ писаны по Кипренскому; голова и лицо иные: Пушкинъ представленъ болѣе пожилымъ“ ¹⁾.

Съ еще большею подозрительностью отнесся къ этому портрету Д. Н. Анучинъ ²⁾, подвергшій обслѣдованію всѣ существующія изображенія Пушкина. „Портретъ Пушкина, приписываемый К. Брюлову и имѣющій, дѣйствительно, полную подпись этого художника, представляетъ нѣсколько видоизмѣненную копію съ Кипренскаго. Портретъ этотъ, небольшой величины (въ альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г. онъ снятъ въ размѣрѣ оригинала), копируетъ въ подробностяхъ костюма и въ поворотѣ головы—Кипренскаго, но въ отсутствіи рукъ, въ шевелюрѣ, формѣ носа, губъ слѣдуетъ скорѣе

¹⁾ „Альбомъ Пушкинской выставки, устроенной Обществомъ любит. рос. словесн. въ залахъ Историч. Музея въ Москвѣ“. М., 1899, табл. 5 и прилож., л. 2, № 11.

²⁾ „А. С. Пушкинъ. (Антропологическій эскизъ)“ „Рус. Вѣдом.“ 1899 г., и отд. отт., М., 1899, стр. 37.

за Уткинымъ. Повидимому, художникъ и въ передачѣ глазъ подражалъ болѣе Уткину, но они вышли открытѣе, болѣе что называется на выкатѣ, хотя на оригиналѣ это менѣе замѣтно, чѣмъ на фотографіяхъ съ него... Портретъ этотъ принадлежалъ О. Ѳ. Копелевой, а нынѣ составляетъ собственность ея внучки, О. Ѳ. Вельяминовой; о происхожденіи этого портрета не сохранилось свѣдѣній; г-жа Вельяминова полагаетъ, что онъ былъ пріобрѣтенъ случайно. Извѣстно, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Брюлловымъ; онъ видѣлся съ нимъ въ Москвѣ въ маѣ 1836 г., о чемъ сообщаетъ въ письмахъ оттуда къ женѣ, а въ письмѣ къ Нащокину, отъ 29-го января 1832 г. изъ Петербурга, говоритъ между прочимъ: „Портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ“. Съ другой стороны, и въ бумагахъ Брюллова есть указаніе на исполненный имъ портретъ Пушкина. Въ 1867 г. вышла за границей брошюра: „Неизданныя письма К. П. Брюллова и документы для его біографіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями художника Михаила Желѣзнова“; къ этой брошюрѣ приложенъ снимокъ съ автографа Брюллова, собственноручнаго его списка фамилій, очевидно лицъ, съ которыхъ художникъ писалъ портреты. Большинство портретовъ указанныхъ лицъ дѣйствительно извѣстны (Демидова, Жуковского, двухъ Кукольниковъ и мн. др.) и находятся въ петербургскихъ дворцахъ, Третьяковской галлерей, Румянцовскомъ музеѣ и частныхъ собраніяхъ. Въ числѣ этихъ лицъ значится и Пушкинъ, у фамилии котораго стоитъ цифра „44“; эта цифра, впрочемъ, какъ и нѣкоторыя другія—„43“, „42“, и т. д., повторяются противъ нѣсколькихъ именъ, и какое значеніе ихъ—неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что Желѣзновъ не присоединилъ къ этому автографу никакого комментарія. И, тѣмъ не менѣе, принадлежность портрета, находящагося у г-жи Вельяминовой, кисти Брюллова является весьма сомнительною. Во-первыхъ, невѣроятно, чтобы Брюлловъ, изображая Пушкина, написалъ его портретъ только копируя Кипренскаго и Уткина и даже въ размѣрахъ слѣдуя за гравюрой послѣдняго; во-вторыхъ, объ этомъ портретѣ вовсе не упоминаетъ Сомовъ въ его монографіи о Брюлловѣ и въ составленномъ имъ спискѣ работъ этого художника. По мнѣнію нѣкоторыхъ, описываемый портретъ — только плохая копія съ Кипренскаго и Уткина и отнюдь не работа Брюллова. Настоящій же портретъ кисти Брюллова (если таковой былъ дѣйствительно написанъ) остается неизвѣстнымъ“.

Извѣстно, какъ высоко цѣнили Пушкинъ талантъ Брюллова, бывшаго кумиромъ 30 — 40-хъ годовъ. Свою мысль о томъ, что „талантъ не воленъ и его подражаніе не есть постыдное похищеніе, признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои

собственныя силы, надежда открыть новыя міры, стремясь по слѣдамъ генія, или чувство въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное, желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь“,— Пушкинъ иллюстрировалъ примѣромъ Брюллова, который, „усыпляя свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобо-страстіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаеля,—а между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освѣщенной Волканомъ“... ¹⁾ Сохранилась черновая стихотворенія Пушкина, посвященнаго этой картинѣ („Послѣдній день Помпеи“). Обстановка, въ которой была выставлена другая извѣстная картина Брюллова „Распятіе“, дала Пушкину поводъ написать „Когда великое свершалось торжество“...

Другу поэта, П. В. Нащокину, очень хотѣлось имѣть портретъ Пушкина. „Не забудь портретъ“ — писалъ онъ ему въ концѣ мая 1831 г., — „мнѣ сдается, боюсь вымолвить, что я тебя иначе не увижу“. Въ слѣдующемъ письмѣ (9 іюня) онъ повторялъ: „а что жъ портретъ? Портретъ непременно! Сдѣлай милость, напomini Натальѣ Николаевнѣ, что она мнѣ обѣщалась тебѣ объ ономъ напоминать почаще“; вскорѣ (20 іюня) опять: „не могу не напомнить—портретъ, портретъ, хорошій портретъ! Я его, право, заслуживаю, и я требую мнѣ должное“. Пушкинъ отвѣчалъ ему (26 іюня) изъ Царскаго Села, что сообщеніе съ Петербургомъ, гдѣ тогда свирѣпствовала холера, и за нѣсколько дней разыгрался бунтъ на Сѣнной площади, прервано: „по той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа, Брюловъ въ П. Б. и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подыметъ“. Очевидно, портретъ долженъ былъ написать Брюловъ, и Пушкинъ просилъ Нащокина подождать, благо художникъ еще не собирался уѣзжать. Но въ 1831 г. портрета Пушкина Нащокинъ не получилъ и въ слѣдующемъ году (во второй половинѣ января) снова напоминалъ ему, чтобы онъ „не забылъ *Портретъ*“. Пушкинъ черезъ нѣсколько дней отвѣчалъ ему: „портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ“. Но и на этотъ разъ портретъ не былъ написанъ Брюловымъ, и еще черезъ годъ (10 января 1833 г.) Нащокинъ писалъ Пушкину: „о портретѣ я уже говорить не буду“.

Съ К. Брюловымъ Пушкинъ видался часто, и ихъ отношенія, по всему судя, были неизмѣнно добрыя. Въ концѣ января 1836 г. Нащокинъ написалъ Пушкину довольно большое письмо о недавнемъ пребываніи Брюллова въ Москвѣ, цѣлую „статью о Брюл-

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1884, декабрь, 541.

ловъ“¹⁾. Въ началѣ мая Пушкинъ навѣстилъ Брюллова въ Москвѣ и писалъ женѣ (4 мая): „у него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, какъ прогнала ты пруссака Криднера. Мнѣ очень хочется привезти Брюллова въ П. Б. А онъ настоящій художникъ, добрый малой и готовъ на все“. Очевидно, Брюлловъ тогда еще ни разу не видѣлъ Н. Н. Пушкиной; „Брюловъ пишетъ ли твой портретъ?“ спрашивалъ Пушкинъ жену въ письмѣ 8 декабря 1831 г.; конечно, это былъ не К. П. Брюловъ, а его братъ, А. П., написавшій прекрасный акварельный портретъ Натальи Николаевны. Въ слѣдующихъ письмахъ Пушкина къ женѣ есть еще нѣсколько упоминаній о К. Брюловѣ. „Зываю Брюллова къ себѣ въ П. Б. Но онъ боленъ и хандрить“ (14 мая). „Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П. Б. скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить“... (18 мая). За нѣсколько дней до своей смерти Пушкинъ въ Петербургѣ посѣтилъ студию Брюллова. „Сегодня“ — читаемъ въ запискахъ его ученика Мокрицкаго 25 января 1837 г.²⁾—„въ нашей мастерской... были Пушкинъ и Жуковский. Сошлись они вмѣстѣ, и Карлъ Павловичъ угощалъ ихъ своею портфелью и альбомами. Весело было смотрѣть, какъ они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками; но когда онъ показалъ имъ недавно оконченный рисунокъ: „Съѣздъ на балъ къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ“, то восторгъ ихъ выразился крикомъ и смѣхомъ. Да и можно ли глядѣть безъ смѣха на этотъ прелестный, забавный рисунокъ? Смирнскій полиціймейстеръ, спящій посреди улицы на коврѣ и подушкѣ, такая комическая фигура, что на нее нельзя глядѣть равнодушно. Позади него, за подушкой, въ тѣни, видны двое полицейскихъ стражей: одинъ сидитъ на корточкахъ, другой лежитъ упершись локтями въ подорожокъ и болтая босыми ногами, обнаженными выше колѣнъ; эти ноги, какъ двѣ кочерги, принадлежащія тощей фигурѣ стража, еще болѣе выдвигаютъ полноту и округлость формъ спящаго полиціймейстера, который, будучи изображенъ въ ракурсѣ, кажется отъ

¹⁾ Въ концѣ октября онъ совѣтовалъ Пушкину въ „Современникѣ“ „помѣщать кой-что по художественной части, т. е. говорить о Брюловѣ, что онъ дѣлаетъ“.

²⁾ А. И. Мокрицкій, „Воспоминаніе о Брюловѣ“, — „Отечеств. Записки“, т. СІІ, 1855 г., отд. ІІ, стр. 165 — 166; ср. „Рус. Стар.“ 1880, январь, 189. Мокрицкому принадлежитъ рисунокъ, изображающій Пушкина въ гробу („Русс. Стар.“ 1880 г., июль, 531).

того еще толще и шире. Пушкинъ не могъ разстаться съ этимъ рисункомъ, хохоталъ до слезъ и просилъ Брюллова подарить ему это сокровище; но рисунокъ принадлежалъ ужъ княгинѣ Салтыковой, и Карлъ Павловичъ, увѣряя его, что не можетъ отдать, обѣщалъ нарисовать ему другой; Пушкинъ былъ безутѣшенъ; онъ, съ рисункомъ въ рукахъ, сталъ передъ Брюловымъ на колѣни и началъ умолять его: „Отдай, голубчикъ! Вѣдь другаго ты не нарисуешь для меня; отдай мнѣ этотъ“. Не отдалъ Брюловъ рисунка, а обѣщалъ нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену, не думалъ, что Брюловъ откажетъ Пушкину. Такіе люди, казалось мнѣ, не становятся даромъ на колѣни передъ равными себѣ. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина... ¹⁾ Черезъ два дня послѣ смерти Пушкина Брюловъ велѣлъ Мокрицкому ²⁾ „читать стихи Пушкина и восхищался каждой строкой, каждой мыслью и жалѣлъ душевно о ранней кончинѣ великаго поэта. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отдалъ ему рисунка, о которомъ тотъ такъ просилъ его, вспоминалъ о томъ, какъ Пушкинъ восхищался его картиной „Распятіе“ ³⁾ и эскизомъ „Гензерихъ грабить Римъ“... ⁴⁾ 31 марта, рассказываетъ далѣе Мокрицкій ⁵⁾, у Брюллова были Венеціановъ, Фѣдоръ Брюловъ и самъ рассказчикъ: „скоро пришелъ А. А. Краевскій и прочелъ намъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, найденныя въ рукописи послѣ его смерти: „Отцы пустынники и жены непорочны“, „Русалку“, нѣсколько сценъ изъ „Каменнаго Гостя“ и „Галуба“. Когда Краевскій рассказалъ Брюлову о послѣднихъ часахъ жизни Пушкина и о томъ, что хотятъ издать полное собраніе его сочиненій, Брюловъ выразилъ желаніе нарисовать къ нимъ фронтискисъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить Пушкина съ лирой въ рукахъ, на скалѣ кавказскихъ горъ, посреди величественной кавказской природы,—намѣреніе, какъ извѣстно, оставшееся безъ исполненія“ ⁶⁾.

¹⁾ О томъ же рассказываетъ племянникъ Брюллова П. П. Соколовъ („Воспоминанія“—„Историч. Вѣстн.“ 1910 г., августъ, 399).

²⁾ Мокрицкій, ор. с., 167.

³⁾ См. „Записки“ А. О. Смирновой, I, 241, 245, 271.

⁴⁾ Пушкинъ писалъ объ этой „недоконченной картинѣ“ женѣ 11 мая 1836 г.

⁵⁾ Мокрицкій, 170.

⁶⁾ Впослѣдствіи Брюловъ иллюстрировалъ одну сцену изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“; воспроизведеніе ея въ гравюрѣ помѣщено въ изданіи В. Генкеля „Сѣверное Сіяніе“ 1862 г., т. I. Н. В. Соловьеву („Русская книжная иллюстрація XIX вѣка и произведенія Пушкина“—„Русс. Библиофилъ“ 1911 г., № 5, стр. 48) эта картина кажется носящей „яркіе слѣды спѣшной работы по заказу“, но Ф. Глинка писалъ о ней еще въ 1849 г. какъ о законченномъ произведеніи („Мастерская Брюлова“—сборн. „Раутъ“ изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, стр. 57—58).

Брюлловъ восхищался не только произведеніями Пушкина, но и имъ самимъ, его открытой, жизнерадостной натурой, и говорилъ: „Какой Пушкинъ счастливецъ! Такъ смѣется, что словно кишки видны!“ ¹⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Пушкина К. П. Брюлловъ однажды разсказалъ Т. Г. Шевченкѣ, внесшему его разсказъ въ свою автобіографическую повѣсть „Художникъ“ ²⁾, „какъ покойный Александръ Сергѣевичъ просилъ его написать съ его жены портретъ, и какъ онъ безцеремонно отказалъ ему, потому что жена его косая. Онъ предлагалъ Пушкину съ самого его написать портретъ, но Пушкинъ отплатилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ послѣ этого поэтъ умеръ и оставилъ насъ безъ портрета. Кипренскій изобразилъ его какимъ-то денди, а не поэтомъ“.

Это показаніе Брюллова рѣшаетъ вопросъ. Портрета Пушкина К. П. Брюлловъ не написалъ, И. А. Кубасовъ ³⁾ говоритъ, что „Пушкинъ не разъ просилъ (?) геніальнаго портретиста написать портретъ съ него и его жены. Карлъ Павловичъ исполнилъ первую просьбу поэта, о чемъ свидѣтельствуется тотъ фактъ, что фамилія Александра Сергѣевича помѣщена въ собственноручномъ, Брюллова, списокѣ лицъ, съ которыхъ этотъ художникъ писалъ портреты. Можетъ быть, это тотъ самый портретъ Пушкина, который находился на послѣдней Пушкинской выставкѣ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, свидѣтельство Т. Г. Шевченки (передаваемое имъ со словъ Карла Павловича), будто бы самъ Пушкинъ отказалъ Брюллову писать съ него портретъ, можно считать невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что оно отчасти противорѣчитъ и письмамъ Пушкина. „Портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ“, сообщалъ онъ Нащокину отъ 29 января 1832 г.“. Однако, у насъ не только нѣтъ данныхъ для утвержденія, что Пушкинъ предлагалъ Брюллову писать его портретъ (г. Кубасовъ, конечно, никакихъ доказательствъ не приводитъ), но мы располагаемъ противоположнымъ показаніемъ Брюллова. Слова Пушкина отъ 1832 г.: „портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ“ аргументомъ служить не могутъ, потому что, какъ мы видѣли, портретъ не былъ написанъ (считаемъ необходимымъ прибавить, что рѣчь здѣсь идетъ, можетъ быть, даже не о К. П. Брюлловѣ, а о его братѣ). Судя по разсказу К. П. Брюллова, въ связи съ другими приведенными данными, переговоры его съ Пушкинымъ о

¹⁾ „Изъ разсказовъ А. О. Россета про Пушкина“ — „Рус. Арх.“ 1882, I, 246.

²⁾ „Кіевск. Старина“, 1887, февраль, 205; „Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченки на русскомъ языкѣ“, Кіевъ, 1888, стр. 306.

³⁾ „Рус. Стар.“ 1899, февраль, 311.

портретахъ поэта и его жены, которой Брюлловъ до мая 1836 г. не видѣлъ, относятся приблизительно ко второй половинѣ 1836 г., и ясно, что въ 1832 г. этихъ переговоровъ не было. Брюлловскій списокъ указываетъ, вѣроятно, лишь на намѣреніе художника написать портретъ поэта долго послѣ его смерти, намѣреніе, оставшееся неосуществленнымъ, такъ какъ нельзя приписывать Брюллову скверную копию съ Кипренскаго ¹⁾). По сообщенію Шевченки трудно судить, кому принадлежитъ неблагопріятный отзывъ о портретѣ кисти Кипренскаго ²⁾), самому ли Брюллову или Шевченкѣ, во всякомъ случаѣ находившемуся подъ сильнымъ влияніемъ Брюллова, но не обинуясь можно сказать, что знаменитый живописецъ, къ тому же хорошо помнившій Пушкина, не сталъ бы копировать, и плохо копировать, работу Кипренскаго ³⁾).

К. П. Брюллову были невѣрно приписаны портретъ Кипренскаго ⁴⁾ и рисунокъ Э. А. Бруни, изображающій Пушкина въ

¹⁾ „Пушкинъ“ въ опубликованномъ Желѣзновымъ списокѣ, замѣтимъ, можетъ быть даже не „просто Пушкинъ, но Мусинъ“, не А. С. Пушкинъ, а какой-нибудь другой носитель этой фамліи.

²⁾ Современники большею частью считали портретъ Кипренскаго самымъ лучшимъ по сходству и выразительности. Булгаринъ („Сѣв. Пчела“ 1827 г., № 110) писалъ: „благодаримъ художника отъ имени всей образованной публики за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнные для потомства черты любимца Музъ... Это—живой Пушкинъ“. А. В. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ (изд. 2-ое, I, 174): „видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ признаете его проинцательные глаза и ротъ, которому не достаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія“. И. И. Панаевъ („Литературныя воспоминанія“, изд. 3-е, стр. 40), встрѣтивъ впервые Пушкина на улицѣ, сразу узналъ его по портрету Кипренскаго. „Лучшій портретъ сына моего“—писалъ отецъ поэта („Отеч. Записки“ 1841 г., № 4, особ. пагин., стр. IV)—„есть тотъ, который написанъ Кипренскимъ и гравированъ Уткинымъ“. Эта гравюра была приложена къ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“ на 1828 г. Боратынскій писалъ тогда Пушкину: „портретъ твой въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ“. То же находилъ и П. А. Катенинъ: „какъ твой портретъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ хорошъ и похожъ: чудо!“ И. А. Гончаровъ („Изъ университетскихъ воспоминаній“ — „Вѣстн. Евр.“ 1887, апрѣль, 503) говорилъ: „лучше всего по-моему напоминаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго“. „Наиболѣе схожій изо всѣхъ донынѣ выпущенныхъ“, сказано объ этомъ портретѣ (въ гравюрѣ Уткина), въ „Художественной Газетѣ“ 1837 г. (№№ 9—10, стр. 160, „Письмо въ Парижъ“). См. о немъ у Либровича, стр. 25—33, и Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, наши примѣч. къ № 514.

³⁾ Мокряцкій, составившій списокъ работъ Брюллова (ор. с., 184), такъ же, какъ и Сомовъ, не упоминаетъ ни о какомъ портретѣ Пушкина.

⁴⁾ Либровичъ, 33.

гробу ¹⁾. Ему же часто приписывается ²⁾ принадлежащій его брату А. П. рисунокъ для гравированной С. Ф. Галактионовымъ виньетки на заглавномъ листѣ сборника „Новоселье“ 1833 г., гдѣ изображенъ Пушкинъ. Приписывается К. П. Брюллову и самый ранній изъ извѣстныхъ портретовъ Пушкина ³⁾—приложенный въ гравюрѣ Е. Гейтмана къ „Кавказскому Плѣннику“ въ 1822 г., гдѣ Пушкинъ изображенъ мальчикомъ лѣтъ 12—14. Вопросъ объ его авторѣ до сихъ поръ не рѣшенъ. Подлинникъ, служившій для гравюры, неизвѣстенъ. „Когда“ — рассказываетъ собравшій свѣдѣнія о немъ С. Ф. Либровичъ ⁴⁾—„въ пятидесятихъ (?) годахъ обратились по этому поводу за справками къ племяннику поэта, Н. И. Павлицеву, очень интересовавшемуся портретами Пушкина и тщательно ихъ собиравшему, онъ заявилъ, что портретъ этотъ сдѣланъ былъ учителемъ рисованія въ Царскосельскомъ лицѣ С. Г. Чириковымъ. На Пушкинской выставкѣ, устроенной въ Москвѣ въ 1880 г., находился тотъ же портретъ, сдѣланный карандашемъ и принадлежавшій П. Е. Басистову, утверждавшему, что это—оригиналъ изображенія, приложеннаго къ „Кавказскому Плѣннику“, т. е. оригиналъ перваго по времени извѣстнаго портрета Пушкина. Это мнѣнiе Басистова и было занесено А. А. Венкстерномъ въ „Альбомъ“ означенной выставки. Кромѣ Н. И. Павлицева, заявившаго, что этотъ первый портретъ Пушкина сдѣланъ былъ С. Г. Чириковымъ, и родственники Чирикова утверждали, что послѣднiй, дѣйствительно, рассказывалъ о какомъ-то портретѣ, снятомъ имъ съ лицеиста Пушкина, „въ которомъ главную роль играла рука“. Съ этими показанiями находится, однако жъ, въ совершенномъ противорѣчii несомнѣнно заслуживающая довѣрiя замѣтка въ „Художественной Газетѣ“ Кукольника 1837 г., № 9—10 ⁵⁾. Въ замѣткѣ сказано, что „сей портретъ нарисованъ наизусть, безъ натуры, К. Б., и обличаетъ руку художника, въ нѣжной молодости уже обратившаго на себя вниманiе всѣхъ тогочасныхъ любителей“. Подъ

¹⁾ Либровичъ, 78, 81; Межовъ, „Puschkiniana“, № 3650.

²⁾ Либровичъ, 48—49; Описанiе Пушкинскаго музея Имп. Александровскаго Лицея, СПб., 1899, стр. 148; „Каталогъ Пушкинской выставки, устроенной комитетомъ общества для пособiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, СПб., 1880, стр. 7, № 47; В. И. Межовъ, „Puschkiniana“, № 3582, и друг.

³⁾ О какомъ-то портретѣ Пушкина писалъ въ 1815 г. его лицейскiй товарищъ А. Д. Илличевскiй своему другу П. Н. Фуссу (Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскiе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 64).

⁴⁾ Либровичъ, стр. 6—7.

⁵⁾ „Письмо въ Парижъ“, стр. 160.

буквами „К. Б.“ здѣсь разумѣлся знаменитый К. П. Брюлловъ ¹⁾, и вѣроятно на этомъ основаніи на петербургской Пушкинской выставкѣ, устроенной въ 1880 г. комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, гравюра съ упомянутого портрета была названа „копией съ оригинала К. П. Брюллова“ ²⁾. Брюлловъ или Чириковъ?—вопросъ остается открытымъ, и редакція изданія сочиненій Пушкина, выпущеннаго въ 1887 г. обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, прилагая портретъ въ новой гравированной копіи, тоже не рѣшилась окончательно приписать подлинникъ тому или другому и оставила въ силѣ неразрѣшимое пока „или“. Мнѣ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Противорѣчіе здѣсь кажущееся, и обѣ спорившія стороны, не понимая одна другую, были правы. Нарисованный Чириковымъ портретъ, можетъ быть тотъ самый, который былъ доставленъ на московскую выставку Васистовымъ, и который А. А. Венкстернъ ³⁾ называетъ „весьма схожимъ“ съ приложеннымъ къ „Кавказскому Плѣннику“, могъ быть вѣскольکو измѣненъ молодымъ Брюлловымъ („Художественная Газета“ указываетъ несомнѣнно на него) по заказу издателя „Кавказскаго Плѣнника“, Н. И. Гнѣдича, которому Пушкинъ писалъ 27 сентября 1822 г.: „Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли“; эти слова показываютъ, что портретъ былъ сдѣланъ со стараго и не совсѣмъ удачнаго оригинала, которымъ пользовался, за неимѣніемъ другого, Брюлловъ, такимъ образомъ рисовавшій Пушкина „наизусть“. „Кукольникъ прибавилъ“—говоритъ П. А. Ефремовъ ⁴⁾,—„что портретъ „разосланъ, какъ воспоминаніе о молодыхъ лѣтахъ и поэта, и художника“ („Худ. Газ.“, стр. 160). Конечно, Уткинъ ⁵⁾ зналъ, съ чьего оригинала гравировалъ портретъ его ученикъ... Но какой-то пустословъ бездоказательно пустилъ слухъ, будто портретъ нарисованъ былъ лицейскимъ гувернеромъ ⁶⁾ С. Г. Чириковымъ, котораго ни Уткинъ, ни Ку-

¹⁾ „Не означаютъ ли буквы К. Б. Карла Брюллова?“—спрашивалъ П. И. Баргеновъ („Пушкинъ въ Южной Россіи“—„Русс. Арх.“ 1866, ст. 1177): „Когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, тамошній учитель рисованія и надзиратель лицействова Чириковъ снялъ съ него портретъ; но гдѣ онъ теперь, не извѣстно“.

²⁾ См. „Каталогъ“ этой выставки, СПб., 1880, стр. 2, № 8.

³⁾ „Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 г.“, М., 1882, стр. 26 изд. 2-е., М., 1887, стр. 25.

⁴⁾ Сочин. Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VІІІ, 1905 г., стр. 333—384.

⁵⁾ Н. И. Уткинъ, учитель Гейтмана, въ 1837 г. доставилъ „Художественной Газетѣ“ сохранившуюся у него доску, съ которой былъ отпечатанъ портретъ для приложенія къ „Кавказскому Плѣннику“.

⁶⁾ Чириковъ былъ не только гувернеромъ, но, какъ вѣрно указалъ Баргеновъ, и учителемъ рисованія. (И. Селезневъ, „Историческій очеркъ Ими.

кольникъ не могли называть художникомъ, такъ какъ ни одинаго изъ произведеній его никому неизвѣстно, да при томъ Чириковъ не видѣлъ Пушкина „ребенкомъ“, какъ видѣлъ (?) его Брюлловъ. На московской Пушкинской выставкѣ 1899 г., показывая этотъ портретъ, я передавалъ слухъ о Чириковѣ одному изъ московскихъ художниковъ и получилъ въ отвѣтъ: „да посмотрите только на ухо: развѣ кто-нибудь кромѣ Брюллова могъ такъ нарисовать его?—никакой Чириковъ, никогда!“ Рисунокъ, съ котораго была исполнена гравюра, конечно, хорошъ съ технической стороны, но не такое ужъ онъ высокое произведеніе искусства (не надо забывать, что мы знаемъ его въ обработкѣ гравера), чтобы его можно было приписывать только исключительно выдающемуся художнику, а незнакомство съ работами Чирикова не позволяетъ утверждать, что „никакой Чириковъ“ не могъ хорошо нарисовать ухо. Если рисунокъ дѣйствительно можно назвать „воспоминаніемъ о молодыхъ лѣтахъ“ Брюллова, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ „видѣлъ Пушкина ребенкомъ“; въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Брюлловъ исполнилъ рисунокъ для изданія Гнѣдича, онъ былъ, конечно, „въ молодыхъ лѣтахъ“, и толковать иначе слова Кукольника нѣтъ никакихъ основаній.

Итакъ, мы можемъ приписывать Брюллову лишь участіе въ самомъ раннемъ изъ извѣстныхъ намъ изображеній поэта, а другой носящій его имя портретъ Пушкина должны признать грубой поддѣлкой, за что ручаются не только его техническіе недостатки, но и приведенныя здѣсь историческія данныя.

IV.

Изъ псевдо-пушкиніаны.

Въ 1883 г. „Историческій Вѣстникъ“ ¹⁾ напечаталъ, въ качествѣ пушкинскихъ, извѣстные шуточные стихи, сообщенные владельцемъ подлинника, покойнымъ П. Я. Дашковымъ:

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ,
Въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій
Съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.

бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, СПб., 1861, стр. 61, 62, 134—135, 161, 373.

¹⁾ Февраль, 468.

Тихо жили они,
 За квартиру платили не много,
 Въ лавочку были должны,
 Дома обѣдали рѣдко.
 Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
 Шли они въ дождикъ пѣшкомъ
 Въ панталонахъ трекотовыхъ тонкихъ,
 Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли).
 Шли и твердили шутя:
 Какое въ россіянахъ чувство!

„Самое содержаніе (?) ихъ“—замѣтила редакція—„и то, что они написаны рукою Пушкина, удостовѣряютъ ихъ подлинность“. Л. Н. Павлицевъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ о Пушкинѣ ¹⁾ уже прямо, конечно, назвалъ пьесу принадлежащей Пушкину, а П. О. Морозовъ включилъ ее въ оба свои изданія сочиненій Пушкина ²⁾. П. А. Ефремовъ, не внесшій ее въ свое послѣднее изданіе, сообщаетъ, что Л. Н. Майковъ, внимательно разсматривавшій рукопись, призналъ въ ней руку не Пушкина, а его брата, Льва Сергѣевича ³⁾. Почерки обоихъ братьевъ были, какъ это бываетъ часто, довольно сходны между собою, и еще вопросъ, правъ ли былъ Майковъ ⁴⁾. Однако, изъ появившагося въ 1907 г. въ печати ⁵⁾ письма А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ) къ П. В. Анненкову видно, что не Пушкинъ былъ авторомъ шутки. Посылая эти гекзаметры Анненкову, Кернъ прибавила, что они были ей „сообщены женою барона Дельвига и сложены когда-то вмѣстѣ съ Баратынскимъ“.

Приведенныя мнѣнія и показанія можно было бы обсуждать такъ или иначе, если бы мы не располагали гораздо болѣе цѣннымъ показаніемъ объ этой пьесѣ. Весною 1827 г., въ Москвѣ, Пушкинъ, рассказываетъ К. А. Полевой ⁶⁾, провелъ вечеръ у Н. А. Полевого, „гдѣ собрались всѣ пишущіе друзья и недруги... Пушкинъ вспоминалъ шутливые стихи Дельвига, *Баратынскаго* и заставилъ *послѣдняго* припомнить написанные *имъ съ Дельвигомъ*

¹⁾ „Историч. Вѣстн.“ 1888 г., т. XXXII, май, стр. 330—331; отд., М., 1890, стр. 193.

²⁾ Литерат. фонда, I, 347; „Просвѣщ.“, II, 11.

³⁾ „Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ“—„Нов. Время“ 1903 г., № 9851.

⁴⁾ Мы подозрѣваемъ, что не поэтомъ, а его братомъ писанъ извѣстный автографъ „Моей родословной“, принадлежащій библиотекѣ Кіевскаго университета; снимокъ приложенъ къ юбилейному Пушкинскому № „Извѣстій“ Кіевскаго университета, 1899 г., май.

⁵⁾ „Пушкинъ и его современники“, вып. V, стр. 146.

⁶⁾ Записки, СПб., 1888, стр. 209.

когда-то рассказы о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ. Его особенно смѣшило то мѣсто, гдѣ въ пышныхъ гексаметрахъ изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоихъ поэтовъ, которые „въ лавочку были должны, руки держали въ карманахъ (перчатокъ они не имѣли)!“ “¹⁾.

Переданное К. А. Полевымъ показаніе *самого Пушкина* вполне подтверждаетъ слова А. П. Кернъ ²⁾ и окончательно рѣшаетъ вопросъ. Гексаметры написаны не Пушкинымъ, а барономъ А. А. Дельвигомъ и Е. А. Баратынскимъ, на самихъ себя, и должны быть включены въ собранія произведеній какъ одного, такъ и другого поэта.

Н. Лернеръ.

¹⁾ Объ этомъ періодѣ жизни Дельвига и Баратынскаго см. у В. П. Гаевского („Дельвиго“—„Соврем.“ 1853 г., т. XXXIX, отд. III, стр. 40—49), у кн. П. А. Вяземскаго („Старая записная книжка“—Сочин., VIII, 238—239) и въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, III, 405.

²⁾ Намъ уже приходилось указывать на рѣдкую въ мемуарной литературѣ вѣрность и точность воспоминаній Кернъ (Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, примѣч. къ №№ 401, 540, 571, 574).